

Трибуна молодого автора

УДК 94(470)''9/12''(045)

Е.Н. Козловская

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В ДРЕВНЕЙ РУСИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТОВ X–XIII ВЕКОВ)

Представленная статья посвящена исследованию социальной мобильности в обществе Древней Руси. В историографии данной проблемы нет единого мнения по вопросу об изменениях социальных позиций в контексте христианизации. Особое внимание направлено на изучение специфики групповой социальной мобильности. Отдельно рассматривается феномен разновекторной социальной мобильности, которая приводит к парадоксальной ситуации: в некоторых случаях социальной практики понижение социального статуса одновременно является и его повышением в зависимости от рассматриваемых категорий и ценностей, влияющих на общественное положение человека. В статье анализируются законодательные акты Древней Руси: такие, как Русская Правда и княжеские уставы, в аспекте содержания в них правил и статей, предполагающих наличие возможности понижения, а в ряде случаев — и повышения социального статуса индивида.

Ключевые слова: Русская Правда, княжеские (церковные) уставы, социальная мобильность, групповая (семейная) мобильность, княжеские слуги, наказание, самопродажа, социальный статус.

Социальная мобильность в Древней Руси изучалась неоднократно, однако, как правило, исследователи ставили масштабные цели: изучение социальной структуры, внутренней политики, социальных изменений в целом и др. Чаще всего описывалась горизонтальная (географическая) социальная мобильность. Её довольно легко зафиксировать: вместе с князем из города в город, из волости в волость перемещался его административно-управленческий аппарат: бояре, тиуны, огнищане, мечники и т. п. Столь же высокой была социальная мобильность монахов, паломников, скоморохов, ремесленников. Можно выделить и сезонную географическую мобильность, связанную с характером передвижения по рекам в определённые месяцы, с передвижением по зимнику. В отношении вертикальной мобильности в историографии нет и не было единого мнения: дореволюционные авторы (В. И. Сергеевич [14], М. Ф. Владимирский-Буданов [2], Н. И. Костомаров [7], С. М. Соловьёв [15]) полагали, что разделения на сословия не было; оно было преимущественно территориальным: «Государство есть союз общин; старшая община правит другими общинами; сама община состоит из союза соседей» [2, с. 14].

Современные исследователи: А. Н. Поляков [10, с. 94–100], И. В. Павловский [9, с. 27–38], Я. Г. Риер [12, с. 13–32], Б. Н. Флоря [16, с. 56–74] — рассматривают иные аспекты социальной мобильности. Так, для А. Н. Полякова характерно в целом неоднозначное мнение: «Социальная структура Древней Руси складывалась в рамках замкнутых социальных слоёв: великие бояре, меньшие бояре, нарочитые мужи и сельские люди (смерды), имевшие различные степени социального престижа, идеалы поведения и предпочтительные профессии. Переход из одного слоя в другой отсутствовал. Существовала только экономическая мобильность внутри каждой из них. Вертикальная закреплённость социальных групп сочеталась с высокой горизонтальной мобильностью. Особенно были подвижны князья, бояре, купцы, монахи, паломники, скоморохи и зодчие. Большую роль играла колонизация в виде организованных властью переселений и исхода избыточного населения в необжитые места» [10, с. 98].

Логике исследователя такого процесса очень трудно оценить адекватно, поскольку, с одной стороны, он говорит о замкнутых социальных группах, то есть социальная мобильность исключена; с другой — заявляет о том, что особенно подвижны (в числе прочих) были монахи, паломники, скоморохи. Стать монахом, паломником, а то и скоморохом мог представитель фактически любой социальной группы; другое дело, что скоморошество, как род занятий, не было столь почётным, как монашество или паломничество. Стоит отметить, что и монашество, и паломничество часто рассматривались как вынужденный или временный социальный статус. В монахи, принимая схиму, уходили перед смертью князья; в паломничество — разбойники, наподобие былинного Васьки Буслаева. Так что, согласиться с тем, что переход из одного слоя в другой отсутствовал полностью, невозможно, хотя, конечно, стать князем без соответствующего происхождения было невозможно, хотя попытки были, по крайней мере, в Галиче, где один боярин вздумал «княжиться» [5, стб. 728].

Я. Г. Риер рассматривает в основном социальную мобильность через призму дружинных отношений: «Итак, с VI–VII вв. можно вести речь о начале перехода восточных славян от родового общества к предгосударственной стадии общественного устройства. Со второй половины IX в. отмечается и появление нового, наступательного вооружения, что связывается с появлением в Восточной Европе норманнов. Более того, некоторые исследователи ведут речь о складывании с X в. на Руси дружинной формы государства, существовавшей параллельно родовым порядкам и появившимся князьям. Эти дружинники были полиэтничными, и возглавляли их не местные князья. Перед нами начальные этапы и формы формирования государственности в виде *вождества*. Этот дружинный, в скорой перспективе правящий слой возникает не только вне родовых структур, но и вне зависимости от этнической принадлежности, что делает понятным появление в регионе скандинавов, как, впрочем, возможно, и не только их» [12, с. 15]. Иными словами, развитие процессов социальной мобильности напрямую связывается с приходом варягов в регион Восточной Европы.

В ранний период существования Древнерусского государства, в период складывания Киевской Руси как политического союза разноплеменных общностей, не было жёстко установленных правил социальной мобильности, так как социальные институты ещё только формировались. Даже правила перемещения с одного Стола на другой были в княжеской среде весьма условными и начали регулироваться только при Ярославе Мудром. Подражая князьям, местничать, по-видимому, начали и бояре, но это стало возможным только когда система уже сформировалась. Поэтому на начальном этапе могло быть перемещение личности в любой слой, тем более что легитимность такому перемещению придавал князь, примерно так же, как это сделал Владимир I Святой в случае с богатырями в эпосе [6, с. 241] и летописным Никитой Кожемякой: «Володимиръ же великымъ мужемъ створи его и отца его» [8, с. 85]. По-другому на ситуацию взглянули советские историки В. Л. Янин [18], В. Н. Бернадский [1] и др., которые пришли к выводу о том, что местная (Новгородская) знать имела родовой характер, то есть была наследственной. В. Л. Янин, в частности, заявил, что боярство имело происхождение «от родоплеменной старейшины древнейшего периода новгородской истории, от той сословной верхушки, которая консолидировалась в замкнутую касту ещё на протогосударственной стадии» [17, с. 213]. Как отметил В. В. Долгов, «Система традиционных связей составляла силу боярского рода. Недаром в более поздний период излюбленным оружием центральной власти против боярского своеволия было переселение на новое место» [3, с. 96].

Это приводит нас к мысли о том, что следует разделять локальную, региональную, общегосударственную и межгосударственную социальную мобильность, как уровни возможностей изменения социального статуса. На локальном и региональном уровне возможностей повысить или понизить статус было меньше, чем в столице, где узнать и проверить происхождение, этническую, религиозную, родовую, профессиональную и социальную принадлежность было относительно легко. Изменение статуса становится максимально возможным в том случае, если индивид не имел ранее места в данной социальной системе — в этом случае он получал статус не по знатности и происхождению, а по делам, что и показывает случай с Кожемякой. Таким образом, чтобы изменить социальный статус в обществе, необходимо было выйти за его рамки, отказавшись от прежнего статуса. Как констатирует при анализе формирования политических элит В. В. Пузанов, «Варяги принимаются на службу как наёмники, и наиболее толковые из них становятся наместниками в городах, занимают должности ближайших княжих советников, воспитателей, тысяцких» [11, с. 338]. Лишь став «ником», маргиналом, можно приобрести новый статус, легитимизировать его и вернуться в традиционное общество уже в ином качестве. Поэтому изменение социального статуса было связано с княжеской властью, для местной элиты обычно чужой.

Исследователи почти не уделяли внимания вертикальной социальной мобильности, имевшей место в обычной, повседневной жизни древнерусского общества. Представления о средневековом обществе как традиционно закрытом, не всегда верны. Слишком много событий, влиявших на социальную структуру, препятствовало переходу к саморекрутированию социальных групп: христианизация, вынужденная миграция для охраны южных рубежей, междоусобицы и набеги и союзы. В этих условиях первые Киевские князья раз за разом, снова и снова, объединяли разрозненные этнические, социальные и политические группы под своей властью, иногда в буквальном смысле слова собирая их представителей как князь Владимир I «за своим столом», в каждом случае внося изменения в иерархию и придавая легитимность вновь полученным социальным статусам.

Представленный механизм смены социального статуса не был связан с отдельными личностными особенностями и конкретными событиями, то есть он наблюдался так или иначе на всей территории государства вплоть до утраты значения княжеской власти в связи с повышением роли вечевых собраний. Но «свято место пусто не бывает», и функции социальных институтов не могут просто уйти в небытие без замены: они переходят к другим социальным институтам. Вопрос о том, кто и как придавал легитимность социальной мобильности после снижения социальной роли княжеской власти, остаётся открытым. Так что разрешение вопроса о вертикальной социальной мобильности и является задачей нашего исследования.

Как источниковая база для работы были выбраны законодательные акты Древней Руси [13], поскольку именно они отражали судебную практику, то есть реальное положение вещей, а не субъективные взгляды летописцев и не случайные, а массовые явления общественной жизни как социальной системы. Безусловно, мы не считаем возможным игнорировать летописи, а также иные материалы, свидетельствующие о социальной практике рассматриваемой эпохи, но они привлекаются лишь как дополнительные, косвенные данные.

Вопросы, которые мы ставим в своём исследовании, вытекают из анализа историографии: если родовые преимущества существовали, то есть были наследственными, то это как-то должно было отражаться в законодательных источниках... Это свидетельство снижения возможностей социального лифта, кастовости, попыток «застолбить» территорию за собой и не пустить чужаков. Если их не было, то соответственно, об этом и речи быть не может.

Второй вопрос связан с особенностями групповой (семейной, родовой) мобильности древнерусского общества. Одной из наиболее загадочных социальных категорий является «тиун». Считать ли статус такого чиновника (тиуна/холопа) высоким и престижным?

При ответе на первый вопрос, можно констатировать, что Русская Правда таких преимуществ практически не знает (за исключением наследования имущества детьми бояр) — они являются личными и не наследуются, но можно заметить различие в наследовании имущества детьми рабыни, что показывает их неполноправный статус, невзирая на общее происхождение.

Социальная мобильность по *Русской Правде* фиксируется в основном нисходящая, как последствие привлечения к ответственности за преступление: Статья 56 (бегство закупа от хозяина превращает такого беглеца в холопа). Статьи 7, 35, 83 содержат изгнание, как дополнительную форму наказания, что подразумевает наличие принудительной географической мобильности.

Это обстоятельство вполне логично объясняется тем, что по своей природе Русская Правда — сборник правовых норм Древней Руси, в котором, несмотря на то, что имеются нормы наследственного, торгового и процессуального законодательства, основной массив статей посвящен праву уголовному. Также наказания, закреплённые в законодательном акте, по большей части касаются рядовых свободных жителей и зависимого населения.

Однако, помимо принудительной нисходящей социальной мобильности как меры наказания за то или иное преступление или проступок, Пространная редакция *Русской Правды* содержит нормы, регламентирующие способы понижения социального статуса по желанию самого индивида. Например, таковым можно считать добровольное холопство. Так, статья 110 содержит положения о самопродаже, женитьбе на рабе и тиунство без договора или, так называемое, «привязывание себе ключа» без договора.

Если мотивация древнерусского человека для женитьбы на рабе и вытекающее из этого автоматически понижение социального статуса вполне понятно, то что же могло заставить свободного человека добровольно податься в рабство или стать слугой князя?

Ответ на эти вопросы кроется, в первом случае, в жизненной необходимости, а во втором — мы можем наблюдать то обстоятельство, что понижение социального статуса не было таким уж однозначным.

Самопродажа в холопы могла осуществляться купцам, боярам и просто состоятельным людям. Служба подобного рода часто была вынужденной, иногда переходящей в обельное холопство, то есть, рабство. Основная причина совершения этого юридически значимого действия — неурожай, голод, то есть отсутствие других легальных возможностей прокормить себя и свою семью. И, хотя, за невозврат хлеба, выданного в долг, перевести в холопы было нельзя, очевидно, была возможность спровоцировать закупа к бегству, что приводило к законной его продаже и переходу в состояние полного холопа. Таким образом, добровольное и полу-добровольное холопство, и вынужденное пол-

ное, выступало в древнерусском обществе как инструмент выживания и улучшения материального положения. Единственной для таких людей надеждой на получение свободы была церковь. Вопрос лишь в том, хотели ли они этой свободы?

Что касается второго вопроса, то можно констатировать факт, что княжеский тиун мог распоряжаться имуществом своего господина, реализовывать властные полномочия и даже вершить суд, имея производную от его власти роль, но формальный статус холопа ставил крест на уважении тиуна как личности. Ибо сам тиун, по-видимому, часто был холопом (статья 110 Русской Правды), но его родственники, допущенные в новый (дружинно-княжеский) круг общения, могли получить статус боярина (как, например, Добрыня — брат ключницы Малуши). Другими словами, княжеский тиун имел доступ к имуществу князя, находился на полном обеспечении, а главное — значительно увеличивался круг его правомочий. Кроме того, родственники такого холопа могли повысить свой социальный статус.

Если рассмотреть положение не княжеских слуг — боярских тиунов, не заключивших договор, которые юридически считались рабами, а практически также имели куда больше возможностей и прав, чем обычные свободные люди, то их положение в обществе было двойственного характера. Дело в том, что тиун мог стать изгоем — вольноотпущенником, а значит, у него был стимул к личной преданности хозяину. Его холопский статус можно рассматривать как традиционное положение младшего в семье. Таким образом, статус тиуна был производным от статуса семьи хозяина, которой он принадлежал.

Церковные или Княжеские уставы, напротив, показывают довольно большие возможности для восходящей социальной мобильности, фиксируя в категории церковных людей такие социальные статусы, как задушные, прощеники, странники, лекари, лица вышедшие из монашества (расстриги), и др. Часть представленных категорий явно промежуточные, позволяющие перейти от статуса холопа к статусу свободного (холопы, выкупившиеся или отпущенные на волю). На этом фоне несколько странно выглядит указание изгоев — князей (формально относящихся к «церковным» людям, как и все изгой). Создаётся впечатление, что князей-изгоев направляли на путь церковной карьеры, пытались применить их энергию на новом поприще, занять престижные места в духовной иерархии, защитить их жизнь авторитетом церкви.

Статус такого бывшего холопа всё равно равен статусу изначально свободного (напр., в Новгородской берестяной грамоте № 789 [19, с. 22] указывается Доман, Тудоров изгой). То есть, несмотря на освобождение, он, как изгой, остаётся в зависимости от бывшего хозяина, возможно, уже как его клиент, что очень похоже на скандинавскую социальную практику. Иными словами, изгой могут оказаться вольноотпущенниками, входящими в клан бывшего владельца. Они свободны, но имеют особый статус, который можно сравнить с положением младших в роду. Именно поэтому данная категория выделяется в числе церковных людей — они находятся под покровительством хозяина (если он их отпустил добровольно), либо церкви (если она приблизила их освобождение).

Следовательно, церковь в рассматриваемый период выступала как катализатор социальных процессов, заметно ускорив социальное развитие Древней Руси.

Проанализировав содержание законодательных актов изучаемого периода, мы обнаружили следующие характерные черты социальной мобильности: 1) социальная мобильность была связана с поступлением на службу князю или частным лицам; 2) смена социального статуса была связана с деятельностью церкви, побуждавшей к освобождению холопов и рабов; 3) Русская Правда и княжеские уставы регламентируют возможности и нисходящей, и восходящей социальной мобильности; 4) имели место случаи разновекторной социальной мобильности, когда понижение социального статуса одновременно является его повышением.

Подводя итоги исследованию, можно сделать вывод о том, что вертикальная социальная мобильность в древнерусском обществе отличается от одной в современном обществе, что вызывает некоторые трудности при изучении данного вопроса — в сопоставлении юридических и фактических последствий смены социального статуса, а также в определении значения данного действия для индивида и его семьи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бернадский В. Н.* Новгород и новгородская земля в XV веке. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1961. 399 с.
2. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Изд. 2-е. Киев: Издательство Н. Я. Оглоблина, 1900. 690 с.

3. Долгов В. В. Быт и нравы Древней Руси. Миры повседневности XI–XIII вв. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2017. 592 с.
4. Древнерусские княжеские уставы XI–XV веков. М.: Наука, 1976. 241 с.
5. Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1998. 648 с.
6. Козловский С. В. Древняя Русь в зеркале былинной традиции. Гендер, сакральность и социальные практики в героическом эпосе. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2017. 512 с.
7. Костомаров Н. И. Русская республика (Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. История Новгорода, Пскова и Вятки). М.: Чарли; Смоленск: Смядынь, 1994. 544 с.
8. Летопись по Ипатьевскому списку. СПб.: Издание археографической комиссии, 1871. 706 с.
9. Павловский И. В. Государство и общество средневековой Руси: западные влияния и отечественный культурный фон: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2007. 47 с.
10. Поляков А. Н. О Методе и некоторых итогах изучения Древней Руси как особой цивилизации // Вестник ОГУ № 5(141). 2012. С. 94–100.
11. Пузанов В. В. От Праславян к Руси: Становление Древнерусского государства. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2017. 752 с.
12. Риер Я. Г. О начальных этапах формирования древнерусской государственности // Вестник славянских культур. 2016. С. 13–32.
13. Русская правда // Библиотека литературы Древней Руси в 20 томах. Т. 4. СПб.: Наука, 1997. 679 с.
14. Сергеевич В. И. Вече и князь: Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. Изд. 1-е. М.: Типография А. И. Мамонтова, 1867. 426 с.
15. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Тт. I–V. СПб.: Товарищество «Общественная польза», 1851. 879 с.
16. Флоря Б. Н. «Служебная организация» и её роль в развитии феодального общества у восточных и западных славян // Отечественные записки. 1992. № 2. С. 56–74.
17. Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М.: Наука, 1981. 296 с.
18. Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Языки славянской культуры, 2008. 424 с.
19. Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). Т. XI. М.: Русские словари, 2004. 288 с.

Поступила в редакцию 07.12.2018

Козловская Екатерина Николаевна, аспирант кафедры истории России
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)
E-mail: enk9292@mail.ru

E.N. Kozlovskaya

SOCIAL MOBILITY IN OLD RUSSIA

(ON MATERIALS OF LEGISLATIVE ACTS OF X–XIII CENTURIES)

The article is devoted to the study of social mobility in the society of Ancient Russia. In the historiography of this problem there is no consensus on the issue of changes in social positions, which is explained by the changes that have occurred in the context of Christianization. Special attention is paid to the study of the specifics of group social mobility. The phenomenon of multi-vector social mobility, which leads to a paradoxical situation, is considered separately: in some cases of social practice, the decrease in social status is also its increase depending on the categories and values that affect the social status of a person. The article analyzes the legislative acts of Ancient Russia such as the Russian Truth and the princely statutes for the content of rules and articles in them, suggesting the possibility of lowering, and in some cases, improving of the social status of an individual.

Keywords: Russkaya Pravda, princely or Church statutes, social mobility, group (family mobility), Prince's servants, punishment, self-realization, social status.

REFERENCES

1. Bernadsky V. N. Novgorod i novgorodskaya zemlya v XV veke [Novgorod and Novgorod Land in the 15 century] Moscow; Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1961, 399 p. (In Russian).
2. Vladimirkij-Budanov M. F. Obzor istorii russkogo prava. [Review of the History of Russian Law] Ed. 2nd. Kyiv, N. I. Ogloblin Publ., 1900, 690 p. (In Russian).

3. *Dolgov V. V.* Byt i nrvy Drevnej Rusi. Miry povsednevnosti XI–XIII vv. [The Life and Customs of Ancient Russia. Worlds of Everyday Life 11–13 centuries]. St. Petersburg, Oleg Abyshko Publ., 2017, 592 p. (In Russian).
4. *Drevnerusskie knyazheskie ustavy XI–XV vekov* [Ancient Princely Statutes 11–15 centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1976, 241 p. (In Russian).
5. *Ipat'evskaya letopis'* [The Ipatiev Chronicle]. Moscow, Languages of Russian Culture Publ., 1998, 648 p. (In Russian).
6. *Kozlovskij S. V.* Drevnyaya Rus' v zerkale bylinnoj tradicii. Gender, sakral'nost' i social'nye praktiki v geroicheskom ehpose [Ancient Russia in the Mirror of the Epic Tradition. Gender, sacredness and social practices in the heroic epic]. St. Petersburg, Oleg Abyshko Publ., 2017, 512 p. (In Russian).
7. *Kostomarov N. I.* Russkaya respublika (Severno-russkie narodopravstva vo vremena udel'no-vechevogo uklada. Istoriya Novgoroda, Pskova i Vyatki) [The Russian Republic (the Northern Russian Popular Rule During the Appanage-Veche Structure. The History of Novgorod, Pskov and Vyatka)]. Moscow, Charlie Publ.; Smolensk, Smyadyn Publ., 1994, 544 p. (In Russian).
8. *Letopis' po Ipat'skomu spisku* [The Book Ypatskou List]. St. Petersburg, Publ. of the Archaeological Commission, 1871, 706 p. (In Russian).
9. *Pavlovskij I. V.* Gosudarstvo i obshchestvo srednevekovoj Rusi: zapadnye vliyaniya i otechestvennyj kul'turnyj fon [State and Society of Medieval Russia: Western Influences and Domestic Cultural Background]. Moscow, 2007, 47 p. (In Russian).
10. *Polyakov A. N.* O Metode i nekotoryh itogah izucheniya Drevnej Rusi kak osoboj civilizacii [On the Method and Some Results of the Study of Ancient Russia as a Special Civilization]. Bulletin of OSU, no. 5(141), 2012, pp. 94–100. (In Russian).
11. *Puzanov V. V.* Ot Praslavyan k Rusi: Stanovlenie Drevnerusskogo gosudarstva [From the Slavs to Russia: the Formation of the Old Russian State]. St. Petersburg, Oleg Abyshko Publ., 2017, 752 p. (In Russian).
12. *Rier Ya. G.* O nachal'nyh ehptah formirovaniya drevnerusskoj gosudarstvennosti [Initial Stages of the Formation of the Ancient Russian Statehood]. Journal of Slavic Cultures, 2016, pp. 13–32. (In Russian).
13. *Russkaya pravda* [Russian truth]. Biblioteka drevnerusskoj literatury v 20 tomakh. Tom 4 [Library of ancient Russian literature in 20 volumes. Vol. 4]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997, 679 p. (In Russian).
14. *Sergeevich V. I.* Veche i knyaz': Russkoe gosudarstvennoe ustrojstvo i upravlenie vo vremena knyazej Ryurikovichej [Veche and Prince: Russian State Structure and Management in the Times of Princes Rurikovich] Ed. 1-E. Moscow, A. I. Mamontov Print. House, 1867, 426 p. (In Russian).
15. *Solov'ev S. M.* Istoriya Rossii s drevnejshih vremen [History of Russia Since Ancient Times.]. Vol. I–V. St. Petersburg, Public Benefit Partnership Publ., 1851, 879 p. (In Russian).
16. *Florya B. N.* "Sluzhebnyaya organizaciya" i ee rol' v razvitii feodal'nogo obshchestva u vostochnyh i zapadnyh slavyan ["Service Organization" and Its Role in the Development of Feudal Society in the Eastern and Western Slavs]. Otechestvennyye zapiski [Domestic Notes], 1992, no. 2, pp. 56–74. (In Russian).
17. *Yanin V. L.* Novgorodskaya feudal'naya votchina [The Novgorod Feudal Fiefdom]. Moscow, Nauka Publ., 1981, 296 p. (In Russian).
18. *Yanin V. L.* Ocherki istorii srednevekovogo Novgoroda [Essays on the History of Medieval Novgorod]. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2008, 424 p. (In Russian).
19. *Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A.* Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1997–2000 gg.) [Novgorod Letters on Birch Bark (from the Excavations of 1997–2000)]. Vol. XI. Moscow, Russian Dictionaries Publ., 2004, 288 p. (In Russian).

Received 07.12.2018

Kozlovskaya E. N., postgraduate student of the Department of Russian History
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: enk9292@mail.ru